

2.7. Языковые особенности блоков информации и их системные отношения в произведениях А. Куприна

Произведения А. Куприна проникнуты большой, всепоглащающей любовью к людям, их страданиям. И потому так страстно звучит протест писателя против социальной несправедливости, насилия и зла. Авторская семантико-стилистическая система складывается как способ художественного отражения в составе конкретного текста тех ассоциаций, которые и составляют основу мирообраза писателя. Стилистическая позиция БИ в их дистантном ряду наиболее четко прослеживает ту возможную у каждого блока культурно-историческую парадигму индивидуального (и, конечно, системного литературно-художественного преобразования), которая и позволяет установить идиостиль писателя. А. Пушкин в письме А.А. Бестужеву писал: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным» [206, с. 126]. Поэтому система авторской поэтики складывается как «система сходств и различий с предшествующими и современными поэтическими системами» [87, с.13], то есть норма идиолекта как индивидуально-авторское явление устанавливается самим писателем.

Структура образов Куприна, поданная в грамматически прошедшем времени, охватывающем все разновидности действия, отражает специфику взаимодействия формы и содержания языковых явлений, которые формируются в БИ определенными категориальными связями. Основная из них – связь членов предикативных единиц, составляющих основу экспрессивных возможностей БИ. Например, в рассказе «Дознание», поднимающем тему беспредела, грубости и жестокости, царящих в царской армии, Куприн строит оппозицию БИ на связи предикативных единиц, выступающих результатом межличностных, служебных отношений, которые затем перерастают в отношения духовного, эмоционального контакта героев. Предикаты отношений имеют различную лексико-синтаксическую структуру и определяются образом персонажа. Так, характеризуя подпоручика Козловского, присланного провести расследование в связи с похищением у солдата пары голенищ и 37 копеек, Куприн создает образ русского офицера, не утратившего чувства сострадания, сочувствия к бесправному солдату. Дистантные предикативные единицы образуют с доминирующей структурой семантическое поле отношения (через выражение состояния героя), причем эти структуры синтаксически варьируются, уточняя его содержание: *Между подпоручиком и молчаливым татаринцом вдруг возникла тонкая и нежная связь – Козловский ...почувствовал между собой и солдатом странную духовную связь.* Находясь в соединительных отношениях, эти единицы составляют тот экспрессивный потенциал, который определяет системно-структурную организацию всех остальных БИ.

Прежде всего, устанавливается оппозиция причинности к БИ, характеризующему солдата Байгузина, подвергнутого наказанию розгами за

предполагаемую кражу. Доминантная структура субъект – дополнение (*возникла тонкая и нежная связь – почувствовал странную духовную связь*), являясь экспрессивным стержнем развития образных ассоциаций, активизирует скрытые причинные отношения между двумя микротемами: – *Ну, Байгузин, я же тебя как человека прошу. Ну, просто, как человек, а не как начальник... У тебя отец-то есть? А? Может быть, и иной есть?* – *прибавил он, вспомнив случайно, что по-татарски мать – иной. ...И вдруг он вздрогнул, услышав сзади себя хриплый и тонкий голос: «Иной есть».* На первый взгляд, экспрессия отсутствует. И только при установлении отношений зависимости между доминантой рассказа и данным БИ совершенно иным смыслом наполняется последнее предложение рассказа, характеризующее подпоручика: *Он [Козловский], вдруг закрыв лицо ладонями, разразился громкими рыданиями.* Подпоручику стыдно за то, что заставил солдата сознаться в возможно и не совершенном им преступлении, но более всего за то, что это был еще совсем ребенок, впервые столкнувшийся с несправедливостью и жестокостью в армии. И эту мысль автор настойчиво проводит предикатным рядом ядерных структур блоков: *его сердце испуганно забилося* (1-й БИ); *офицер задрожал еще сильнее* (2-й БИ); *его сердце странно забилося* (3-й БИ); *ему сделалось бы стыдно; подпоручик все время дрожал от холода и злости* (4-й БИ).

Варьирование синтаксических структур (актив/пассив) становится грамматически доминирующим признаком БИ, раскрывающего состояние подпоручика. Прагматическую нагрузку в блоке несут прежде всего аллосемы с общим значением ‘сострадание’, эксплицируемые предикативным рядом: *из-за стыдливого и деликатного чувства не мог выговорить, стало жаль этого ребенка, стыдно, своим сочувствием беды наделал, чувствовал себя предателем, дрожал мелкою нервной дрожью, всего мучительнее было для него, чувствуя себя в эту минуту смешным и т.д.* Приобретая актуализацию, причем не только за счет контекста, но и за счет когнитивных структур (*он пришел на службу, наслушавшись еще дома про армию всяких ужасов, уже заранее готовый к строгости и несправедливости*) и перцептивных образов, обусловленных внеязыковой действительностью, эти синтагмы устанавливают с заглавием рассказа противоречащие отношения, так как уже в названии – «Дознание» – заложена определенная функциональная оценка: это официальность, холодность, равнодушие. Поэтому так несовместимы чувства подпоручика и его состояние с тем действием, которое он должен произвести в отношении солдата. В этой связи В.В. Виноградов указывает: «Художественная действительность, созданная средствами словесного искусства и замкнутая в рамки цельного произведения, представляет собою структурное единство. В этом единстве обладает образной, обобщенно-художественной значимостью не только то, что выражено словом, но и то, что читается между строк, но остается невысказанным» [68, с. 132].

Основу БИ, связанного с образом Байгузина, составляют так называемые реляционные структуры, отображающие различного рода отношения, которые

складываются между реалиями объективной действительности – субъектные, обстоятельственные, определительные и др.: *Козловскому стало очень жаль этого ребенка в большой солдатской шинели* (пассив); *Как будто бы в жалкой пришибленности и беспомощности Байгузина* (пассив) *был виноват... сам подпоручик Козловский; он был все в той же непомерной шинели, заплатанной на спине кусками разных оттенков* (актив); *жалкий вид; маленький, сгорбленный преступник* (актив). Более того, в результате варьирования семантического субъекта возникает так называемая референция, то есть актуализация отношений героев к объектам действительности: *Байгузин – защитник отечества – братец – ребенок – молчаливый татарин – солдат*. Экспрессия обреченности еще больше подчеркивается объективным порядком слов как выражением безразличия героя к происходящему: *Татарин молчал; Байгузин шел в середине между двумя конвойными; Он был в непомерной шинели; Татарин стал снимать шинель; Татарин стоял неподвижно; Он медленно, неловко опустился на колени; Татарин слабо вскрикнул; Татарин опять закричал* и т. д.

Между двумя БИ устанавливаются информативно-перспективные связи, то есть внутри 1-го БИ (Козловского) ядра актуализируются на уровне предикатов, внутри 2-го БИ (Байгузина) – на уровне реляционных структур. В результате два БИ можно рассматривать в отношениях актуального членения с объективным расположением единиц, где ядра 2-го БИ (причина) – тема, а ядра 1-го БИ – рема (состояние героя в результате проведенного дознания). Такой смысл складывается как следствие отношений двух БИ, однако не устанавливается смысл всего рассказа.

Семантической осложненностью характеризуются отношения между доминантой, в данном случае названием, и БИ. Так, определим функциональное содержание блока, связанного с характеристикой солдат, где контекстуальные вариации подтекстовых значений проявляются наиболее четко в результате их смысловой двуплановости. Ядерная структура БИ *Все одинаково равнодушно слушали* (актив), *однообразные, серые лица были...неподвижны и безучастны* (актив); *ни сожаления, ни любопытства – никакой мысли нельзя было прочесть на этих каменных лицах* (пассив) создает обобщенный образ солдата, безучастного ко всему происходящему, лишённого сострадания. Оппозиция актив/пассив, лежащая в основе БИ, подтверждает эту мысль. Однако, если соотнести данный блок со следующими структурами: *Два солдата, стоявшие по бокам Байгузина, нерешительно глядели друг на друга; ни один из них не хотел нанести первый удар*, – переводящие процесс в позицию актива со значением категоричности и сомнения одновременно, возникает определенный подтекст – сочувствие солдат. Следующее предложение *Унтер-офицер что-то сказал* служит причиной стилистической мотивации пропозиции *тогда стоявший по правую сторону, стиснув зубы, сделал ожесточенное лицо*. В результате варьирования значений обнажается основной смысл рассказа, в основе которого

лежит скрытая социальная метафора: солдат в царской армии – орудие жестокости и унижения.

Основная семантико-грамматическая категория в произведениях Куприна, формирующая предикативное ядро в БИ, – аспектуальность, которая проявляется в значениях длительности, постоянности, повторяемости действия, локализованного во времени, осложненного семантикой оценочности, то есть предикативные ядра имеют дополнительный оттенок модальности, которая устанавливается из функционального содержания категории аспектуальности. Например, ядерные структуры блоков, характеризующие главного героя Боброва в повести «Молох»: *Он сравнивал себя с человеком, с которого заживо содрали кожу – Ему становилось стыдно... за свой выхоленный вид – Я считаю себя честным человеком – мне горько то, что я служу на заводе и получаю за это большие деньги – ему... стало стыдно жгучим, удручающим стыдом – с каждым днем в нем все больше и больше нарастало отвращение, Его нежная натура жестоко страдала от грубых прикосновений действительности* и т. д. В результате оценочность предикативных ядер, с дополнительными модальными оттенками осуждения, неодобрения, становится одним из грамматических средств связи БИ на уровне парадигматических отношений. Кроме того, оппозиция актив/пассив субъекта (категориальная ситуация залоговости) как выражение состояния героя (бессилия) также является доминирующим признаком дистантных отношений БИ.

Оппозиция актив/пассив доминирует в блоках, связанных с характеристикой состояния героев. В остальных случаях грамматически активными являются действительные конструкции. Так, БИ, структурно связанный с образом завода как олицетворением Молоха, поданный только в активе, рождает четкие ассоциации, находящие контекстное подтверждение. Его системно-структурная организация характеризуется стилистической маркированностью, что создает эмоционально и содержательно емкий художественный образ завода – жестокого и кровожадного чудовища: *на кровавом фоне четко и стройно рисовались темные вертушки высоких труб; Разверстые пасти этих великанов безостановочно **изрыгали** густые клубы дыма; Над тонкими... дымоотводами, придавая им вид исполинского факела, **трепетали и металась** яркие снопы горящего газа; Они [кочегары] под страхом ужасной смерти должны были без устали **кормить и кормить** ненасытное, прожорливое чудовище* и т. д. И как результат ассоциаций звучит эмоционально-оценочное *Вот так преисподняя!* Семантика существительного *преисподняя* становится стилистическим средством художественного сравнения, лежащего в основе семантической структуры всего БИ. Возникает тот ассоциативный потенциал перифраз, который и создает яркий, экспрессивно насыщенный словообраз завода-Молоха: *дьявольская колесница, железная машина* (прогресс); *ненасытное, прожорливое чудовище* (кочегарка). Эти синтагмы становятся экспрессивным ядром, устанавливающим каузальные интегративно-парадигматические отношения между БИ на уровне целого текста –

на уровне системы. Именно эти отношения, с одной стороны, создают композиционный стержень, денотатный уровень семантики текста, а с другой – подготавливают троп: прогресс – это Молох, требующий *теплой человеческой крови*. «Троп служит появлению в привычном слове нового «голоса», нового авторского «акцента», который внутренне полемичен по отношению к «старому», общеязыковому голосу, хотя и опровергает не его смысл, а лишь устанавливаемые им пределы применения слова» [86, с. 120].

Таким образом, одним из основных структуро- и стилеобразующих факторов в произведениях Куприна является развернутая метафора, которая угадывается уже в названии, а затем приобретает конкретный смысл в результате столкновения содержания БИ. Например, название «Дознание» имеет только функционально-стилистическую окрашенность, но в процессе интерпретации рассказа складывается определенный смысл; или название «Молох» (Бог меди), приобретающее в повести иную характеристику; или название романа «Колесо времени», сигнификат которого связан с перифразом «судьба человека» и которое получает приращение смысла в результате интерпретации семантико-грамматических отношений БИ.

По форме изложения роман «Колесо времени» представляет собой дневник, и потому рассказ ведется от 1-го лица. Синтаксическое значение ядерных структур блоков информации рассказчика и героини подано в позиции актива, что связано с проявлением воли, решительности героев, уверенности в себе. Например, ядерные структуры БИ героини: *В вас я найду доброго друга – Когда я увидела тебя в первый раз, то мгновенно почувствовала, что ты будешь моей радостью и я буду твоей радостью – Я нашла и себя, и тебя, и ту вечную любовь, о которой мечтаю: все влюбленные – Благодарю тебя за то великое счастье, которое ты мне дал*. Или ядра БИ рассказчика: *Я человек не опустившийся, а так сказать опустошенный. Опустела душа – А все-таки ты жив. Жив великой тоской по родине – в одну минуту теряет человек большое счастье для того, чтобы потом всю жизнь каяться – Что это? Неужели покушение на мою свободу? – Какой я был дурак! – Я почувствовал, как моих глаз тихо коснулась темная вуаль тоски – Я покорен велениям судьбы*. Однако вариации временных форм в БИ различны. В характеристике Марии оппозиция настоящее/будущее является показателем ее мечтательности, наивности, в характеристике рассказчика настоящее постоянно определяет данный образ как человека искушенного, трезво оценивающего жизненные ситуации. Например, его рассуждения о любви: *Случаи самой высокой, самой чистой, самой преданной любви выдуманы талантливыми поэтами; В каждом большом счастье есть тот неуловимый момент, когда оно достигает зенита. За ним следует нисхождение*.

Настоящее постоянное, или настоящее рассказа, придает блокам большую изобразительность, но, контрастируя с временным планом образа Марии, меняет свою актуализацию, внося признаки отрицательного импликационала [172], так как актуализация – это не просто индивидуализация и конкретизация языковых

значений и даже не просто их модификация и системное варьирование, но и обогащение языковых значений за счет неязыкового денотативного значения (понятийного и образного), обусловленное ситуацией и контекстом высказывания. Сопоставляя аспектуальные значения предикативных рядов данных БИ, четко определяется их функциональное содержание: длительность, непрерывность действия с различной качественной оценочностью, осложненной модальными оттенками потенциальности. Например, в БИ Марии: *будешь моей радостью; она была в любви радостна; я нашла вечную любовь; она... неумоима в своей щедрости; благодарю тебя за счастье; или в БИ рассказчика: терять счастье, каяться; потерять прелесть и оригинальность; покушение на мою свободу; тоска; веления судьбы и др.* Две эмоциональные группы синтаксем различаются тональностью: в первой – экспрессия счастья, восторга, во второй – эгоизма, покорности судьбе.

Таким образом, на первый взгляд, название у Куприна, устанавливает отношения включения с ядрами БИ рассказчика. Однако в БИ героя есть еще один предикативный ряд, идущий параллельно и по форме напоминающий лирические отступления, которые носят характер обобщения. Преданные в форме настоящего постоянного как результат пропозициональных отношений между параллельными ядрами, эти структуры образуют «поле напряжения», получающее в романе самостоятельную характеристику. Прежде всего, ядра патетичны, и эта патетика создается своеобразными формами параллельных ядер, устанавливающих между собой отношения противоречия: *бог послал мне величайшее счастье – в одну минуту теряет человек большое счастье; не с улыбки ли начинается каждая истинная любовь – Эта... жизнь длится до тех пор, пока оба не потеряют... всю прелесть и оригинальность своей личности; Я помню каждое слово, каждую улыбку; теперь это – моя тайная шкатулка с сокровищами – случаи самой высокой, самой чистой, самой преданной любви выдуманы; Она [любовь] – это величайшее и самый редкий дар неведомого бога – Что это? Неужели покушение на мою свободу?; Любовь крылата – Какой я был дурак!* и т. д. Эти контрастные отношения, сложившиеся как результат полифонизма, который в целом свойствен всем произведениям А. Куприна, позволяют четко интерпретировать смысловую ткань романа, наполняя название определенным содержанием. Создается форма экспрессивной метафоричности, где основным средством метафорического сдвига являются имена существительные, точнее дистантная ассоциативная связь именных синтаксем, устанавливаемая между значениями ядерных структур: *Колеса времени не повернешь обратно, но счастье человека зависит от него самого.*

Название у Куприна в большинстве случаев оценочно. Его интегрирующая роль заложена уже в семантике: «Поединок», «Молох», «Колесо времени», «Allez!», «Лесная глушь» и др. Собственно эмоциональная окраска является частью семантической структуры слова или словосочетания, и, следовательно, название выполняет прагматическую функцию, формирующую первые

ассоциации. Так, одним из ассоциативных рядов названия романа «Колесо времени» является ряд с семами 'раскаяние', 'безнадежность', связанный с временными характеристиками. 1-й БИ, открывающий ТЛ героя, подан в настоящем повествовательном, описывающем события прошлого. Это тем более живописно, так как временной план настоящего предвосхищает прошедшее ретроспективное, являясь его своеобразным результатом: *опустела душа; душа отлетела; созерцаю течение жизни равнодушно*. И как выражение раскаяния звучит дистантное *не повернешь назад колесо времени – Ах! Не повернешь...*, и *Колеса времени не повернешь обратно... Живу по инерции*, которые выступают своеобразным обрамлением романа. Поэтому можно сказать, что название у Куприна характеризуется функциональным потенциалом, совмещающая семантическую, синтаксическую и прагматическую функции, способствуя развитию определенных ассоциаций, которые подготавливают развертывание их метафорических связей.

Еще пример. Содержание названия рассказа «Лесная глушь» реализуется в следующих стилизованных структурах: *ханстриюкия, наконецто совсем, пес и жинка мусят сами себя годувать, то есть должны сами себя пропитывать* и др. Автор как бы проводит параллель между героями, противопоставляя их и одновременно объединяя в один – образ простого человека из глухого Полесья. БИ, построенные на трех разновидностях языка – разговорном, диалектном и литературном – как выражение авторской диглоссии, активизируют признак системности, поскольку художественно активными становятся различные уровни языка: фонетический (*ханстриюкия, звесно, тремается, трясыца* и др.), акцентологический (*Я ему докажу, другой говорит*), лексико-семантический (*заждить, ривчак, став, маря, квач, брешешь, стерва, шворный, пыта* и др.) и, конечно, морфолого-синтаксический (*Я ж могу понимать; Случилось оно еще те годы; окоче была у нас панцица* и др.). Кроме того, БИ контрастны по качественной оценке, заключенной в предикативных ядерных структурах. Например: *Кирилс – весь какой-то развинченный мужик... Дома у себя и с крестьянами он гораздо проще, естественнее, но с начальством и с господами почему-то считает необходимым быть как можно бестолковее и при первом же удобном случае охотно впадает в роль шута* (1-й БИ); *Смеется он [Талимон] реже, но зато улыбка совершенно изменяет его лицо: оно вдруг становится... ласковым и добродушным* (2-й БИ); *Он [Александр] никогда не отличался общительностью, а за последний год стал еще больше сторониться от людей, но с лица его не сходило упрямое выражение упорной, затаенной мужицкой тоски* (3-й БИ).

Находясь в контрастирующих отношениях, БИ наполняют ассоциативным смыслом название рассказа: а не в этой ли лесной глуши хранятся лучшие человеческие качества – честность, великодушие, скромность, что подтверждается доминантной структурой рассказа, интегрирующей в единое целое все БИ: *И вся жизнь, со всеми ее мудреными задачами, вдруг ясно и просто сосредоточилась*

для меня на этом песчаном бугре около костра, в обществе этих трех человек, несложных, наивных и понятных, почти как сама природа. Постпозитивные определения приобретают сильную образную позицию, которая соотносится с названием, устанавливая отношения включения (привативную оппозицию).

БИ, рождающие словообразы, представлены только в активе, что связано не с описанием состояния, как в предыдущих произведениях, а с характеристикой героев. Такая активность однородных построений свойственна номинативно-образительной речи в силу того, что «объект изображения конкретен, и его надо описывать в единстве различных сторон, деталей, признаков» [51, с. 56]. В данном случае эта активность проявляется в объективном порядке слов, выполняющем описательно-конкретизирующую функцию. Но, аккумулируя семантику блоков в доминанте, актив вступает в оппозицию с пассивом личного субъекта, выдвигающим на первый план пространственную семантику, которая приобретает в условиях всего текста особую эмоциональную окраску и, следовательно, актуализацию их семантической значимости: лесная глушь – это люди, несложные, наивные и понятные, почти как сама природа. Символическим осмыслением наполняется пропозициональная часть доминанты *томный, согревающий мир*, устанавливая различные ассоциации с тремя БИ. Таким образом, наибольшая активность блоков проявляется не в грамматических формах, а в сцеплении их семантической структуры, на которую проецируется весь текст: глушь – это люди, а люди – это огромный мир.

Экспрессивным усилением смысловой структуры становятся в тексте вопросные реплики рассказчика выступающие своего рода фундаментом или толчком образной речевой конкретизации героев: *Что такое? – Почему же? Расскажи, пожалуйста... Это очень интересно – К какой это Недильке? – На какую машину?* Эти единственные структуры прямой речи, принадлежащие рассказчику, устанавливают пропозициональные связи БИ и организуют временную перспективу, образующую оппозицию ретроспекции/проспекции в рассказе.

Таким образом, грамматически доминирующим признаком БИ у А. Куприна является бинарная оппозиция актив/пассив как выражение состояния героя, которая устанавливает между БИ отношения актуального членения с объективным расположением единиц. При характеристике героя оппозиция актив/пассив уступает место только активным синтаксическим конструкциям, что проявляется, прежде всего, в объективном порядке слов. Основная категориальная ситуация – аспектуальность предикативного ядра со значением длительности, постоянности, многократности протекания действия, осложненного качественной оценкой и модальными оттенками, которые являются экспрессивным выражением состояния героя и обуславливают семантическую перспективу всех БИ и в то же время выступают текстоорганизующим средством, устанавливающим их категориальные связи.

В основе дистантных отношений БИ на уровне целого текста лежат отношения причинной обусловленности, которые разворачивают троп, в частности метафору. Поэтому метафора – основной стилеобразующий фактор в произведениях А. Куприна. Она намечается уже в названии, а затем конкретизируется в системе текста. Следовательно, название у Куприна оценочное, стилистически маркированное, выстраивающее те ряды ассоциаций, которые через отношения БИ на интегральном уровне рождают определенный смысл. Иначе говоря, название – это контрапункт, или основа развертывания образного представления. Причем оно только намечает основные пути метафорического сдвига, а смысл произведения, развертывание содержательного аспекта метафоры складывается как результат лексико-грамматического варьирования ядерных структур блоков одной ТЛ и установления их отношений с блоками других ТЛ. В этом проявляется индивидуально-стилистическое своеобразие словоупотребления, речевых конструкций, или своеобразие стиля писателя, на что указывал В.В. Виноградов: «Проблема индивидуального стиля писателя связана с выделением того стилистического ядра, той системы средств выражения, которые неизменно присутствуют в произведениях этого автора» [64, с. 80].

РЕПОЗИТОРИЙ ВУЗОВ